

**В СЕРИИ
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Разрыв — трава горькая
Сквозь печальные туманы
Волки смотрят в лес
Отворите мне темницу
Горюч камень Алатырь

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЁСТРЫ»:

Цветы запоздалые
Гори, письмо любви
Судьбою рвется нить

Анастасия Туманова

ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Волки смотрят в лес/ А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 468 с. — (Полынь — сухие слёзы).

ISBN 978-5-521-92491-2

Штабс-капитан Никита Закатов убежден, что приносит людям одни несчастья. Из-за него страдают и любимая женщина, и нелюбимая жена. Единственный друг сослан по его вине в Иркутскую губернию, и Никита без конца переносится мыслями в Сибирь.... А там, в тайге, кипят нешуточные страсти. В каторжаку Устинью горячо влюблен ссыльный студент Михаил Иверзнев. Но Устинья всем сердцем любит мужа: вместе с Ефимом ей нипочем и кандалы, и тяжелый труд, и сибирские морозы. Но ревность и обман вбивают клин за клином в их любовь. Теряя голову, Ефим решается навсегда оставить за спиной и Устинью, и постыдную каторгу.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Туманова А., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-92491-2

Г Л А В А 1

Сумрачным мартовским утром 1857 года из ворот Рогожской заставы вышла большая каторжная партия. Впереди верхом ехал конвойный офицер, следом двигались арестанты в ручных и ножных кандалах, за ними — скованные с той же строгостью арестантки. Позади тащился обоз. По бокам покачивались в сёдлах конвойные казаки. Движение партии сопровождалось барабанным боем: в огромный барабан исто-во бухал невысокий дядька-солдат, весь вспотевший от усердия.

— Будет уж, Фокин, вышли, — бросил ему, проезжая мимо полосатых ворот, конвойный унтер.

Барабан умолк. Фокин с облегчением вытер лоб и улыбнулся:

— Ну, хоть не зря долбил, ваше благородие! Мне — и то бублика в карман сунули на Рогожке-то!

Казаки заухмылялись. Улыбнулся и конвойный, повернувшись в седле:

— Ну что, ребята, довольны?

— Много довольны, ваша милость, благодарствуем! — слышались бодрые голоса арестантов.

— А коль довольны, так по уговору!

— Знамо дело, ваше благородие! Оченно вам благодарны. И за то отдельное спасибо, что через Рогожку провели, — сдержанно поблагодарил сутулый, сухой мужик с обветренным лицом и обширной плешью.

Конвойный офицер, подъехав к нему, спокойно протянул руку. Арестант так же спокойно положил что-то в эту руку, поклонился. Офицер кивнул и поехал далее. Сутулый обернулся к прочим:

— Ну что, мужики? Врал я аль нет? Кто там со мной на полтинник спорил? Ты, Ефимка? Отдавай!

— Да на, лови, дядя Кержак, нешто жалко? — Серебряный полтинник взлетел над головами каторжан и приземлился точно на лысину Кержака.

Тот тряхнул головой, поймал монету в ладонь. Под общий хохот озадаченно спросил:

— Нарочно, что ль, ирод?..

— Да какое! Само угодило так! — хмыкнул высокий парень с широченными плечами. Физиономия его была совершенно серьёзной, но в зелёных наглых глазах билась усмешка. — Вишь, дядя Кержак, какая у тебя плешь-то доходная — сама к себе деньгу тянет! Ты её береги смотри! Не то, не ровён час, волосём зарастёт — по миру пойдёшь!

Каторжане опять заржали, а сам Ефим недоверчиво усмехнулся:

— Вон ведь как вышло-то! Не думали, не гадали...

Ефим Силин и его брат Антип шли на каторгу впервые. Когда ранним утром один из бывалых каторжан потребовал со всей партии по полтиннику «офицеру поднести», Ефим воспротивился:

— Это с какой же радости? Не дам, и всё! Я его вижу впервой! Детей мне с ним не крестить! На новом этапе другому нас сдаст! Не, дядя Кержак, извиняй — а не дам! У меня деньги в кармане яиц не несут: наутро новые не вылупятся!

Стоящий рядом Антип молчал, но на его лице тоже читалось недоверие. Точно такие же насупленные рожи были у остальных арестантов. Расставаться со своими кровными копейками никто не хотел. Но Кержак и ещё несколько бывалых бродяг хохотали от души.

— Вот что, Ефимка, давай спорнём с тобой! — отсмеявшись, предложил Кержак. — Моё слово — как с Москвы выйдем, у тебя в кармане вдесятеро больше будет! И тогда ты мне ещё полтинник даёшь! Ну, а коль нет — я тебе его возьмю, ты и не внакладе окажешься! Годится этак?

Ефим сощурился, чувствуя подвох. Но на него выжидающе смотрела вся партия, и он с неохотой согласился:

— Ну, леший с тобой, давай! Разбейте, мужики! Только смотри: обманешь — кулаком по репку в землю вгоню! Скажи хоть, за что офицеру платим?

— А за улицы хлебные да за барабан! — добродушно смеясь, пояснил Кержак. — Да не злись ты, сам увидишь! Пропал твой полтинник как есть!

Ефим переглянулся с братом, пожал плечами.

— Ты б поосторожней, братка, ей-богу, — вполголоса сказал тот, поглядывая на сумрачное, низкое небо. — Глянь, ещё Москву пройти не успели — а ты уже на деньги спорить взялся! Так они из нас ещё до Сибири всё по копеечке вытянут: народ бывалый, ушлый... Вперёд думай!

Ефим сердито промолчал, подозревая, что Антип прав.

— Ништо, — чуть погодя ответил он. — Мы с тобой на пару, ежели захотим, всю эту кандальную братию на заборах развешаем.

— И будет тебе двадцать лет вместо десяти, дурень. Да кнута ещё схватишь. Аль мало оказалось? Сила есть — ума не надо...

Тут уж отвечать было нечего, и Ефим умолк окончательно.

Партия каторжан медленно потянулась по улицам Москвы. Офицер повёл их через Замоскворечье — богатое купе-

ческое место. Барабанный бой разносился далеко по сонным улочкам и переулкам, и вскоре уже отовсюду слышались вопли детей:

— Маменька! Тятенька! Кандальников ведут! Несчастливых ведут!

Захлопали ворота, заскрипели двери. Партия была вынуждена остановиться: узкую улицу перекрыла толпа баб, детей и старух. Идущий впереди Кержак невозмутимо выставил вперёд ящик для подаяния. В него полетели медь и серебро. Арестантам же совали пироги, яйца, хлеб и прочую снедь. Ефим даже испугался этих протянутых отовсюду рук. Он, как и другие, едва успевал неловко благодарить и рассовывать по карманам подаяние. Обернувшись, он заметил, что и женщин-кандальниц тоже обступили люди.

— Что ты, девонька... Что ты, куда такое отдаёшь?! Белый хлеб-то! Без спросу взяла, поди? На праздник, видать, припасено было? Мамка забранит, неси домой... — испуганно отпиралась высокая молодая женщина с серыми глазами.

Но девчушка лет десяти настойчиво совала ей в руки ковригу:

— Что ты, бери, бери! У тебя доля горькая... Тебе до самой Сибири, до гор высоких... Таковы муки принимать идёшь, да в цепях-то! — со взрослой слезой в голосе, качая головой, говорила девочка. — Ты возьми на здоровье, а у нас ещё есть! Мамка мне сама дала, вон она стоит! На праздник-то ещё напекём! Тебя как звать-то? Помолюся за тебя!

— Устиньей, милая... — прошептала женщина, не замечая бегущих по лицу слёз. — Спаси тебя Христос... И мать твою...

Барабан застучал опять. Партия повернула с Полянки на Ордынку — и всё повторилось вновь. С Ордынки вышли на Пятницкую — и снова бегущие навстречу люди, сочувственные лица, пироги, хлеб, мочёные яблоки, деньги... Ефим не

знал, что и думать. Он только переглядывался с братом, у которого тоже были совершенно ошалелые глаза.

— Да что ж это... — пробормотал он, машинально пряча в карман круглый мятный пряник и не чувствуя, что его уже давно тихо, но настойчиво теребят за рукав.

Антип первым заметил низенькую старушку в ватной накидке и ткнул брата кулаком в плечо. Тот, вздрогнув, обернулся:

— Что ты, мать?

— Прими-ка, сыночек... Горяченький ещё, только что из печи вынула! — старушка протянула ему пахнувший на всю улицу грибами пирог. — Да за пазушку, за пазушку суй, если сразу есть не хочешь! Долго там продержится... заодно и погреешься! Холодно нынче, будто и не весна... Ты за что идёшь-то, маленький?

Ефим запнулся, даже не усмехнувшись над «маленьким» (бабка едва доходила ему до груди). Язык не повернулся сказать вслух, что он идёт на каторгу за двойное убийство. Впрочем, бабка не ждала ответа. Опёршись дрожащими руками-лапками о локоть Ефима, она горьким шёпотом сказала:

— Сыночек у меня в Сибирь ушёл... Максимушка... Уж четвёртый год ни слуху ни духу... Ты, сынок, когда дойдёшь да, может, встретишь Максимушку моего, передай поклон. Скажи — жива мамаша и здорова, сестру Аннушку замуж на Покров выдала, кланяются ему все! Не забудь, сыночек, — Максим Фёдоров! Двадцать второй год ему после Рождества сровнится!

— За что сына-то забрали, мать? — хмуро спросил Ефим, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — По пьяному делу зашиб кого?

— Что ты... Как есть тверёзый был! В сапожной мастерской подмастерьем мучился, так при расчёте хозяин его обидел. А Максимка не стерпел да колодкой его по лбу-то —

хлоп! Из того и дух вон! Максимка-то — он как ты был, сажень в плечах косая! Враз и забрали маленького моего... Коль встретишь его, сыночек, — кланяйся от меня!

— Поклонюсь, мать, передам. Ты... ступай домой, не мёрзни.

Напоследок бабка сунула Ефиму варежки — лёгкие, серенькие, вязанные из козьего пуха. Ефим показал их брату:

— Глянь! Добрые варьги... Только мне на один палец! Устье вот гожи будут.

Антип кивнул. Оба они одновременно повернулись к женской партии, но издали Устю было не разглядеть. Ефим сунул бабкин пирог в одну варежку, прикрыл другой и обратился к идущему рядом цыгану:

— Передай, коль не в тягость, к бабам... Устинье Шадринной.

Цыган с готовностью кивнул и тут же отправил пушистый свёрток дальше:

— К бабам, Устинье Шадринной, от мужа!

Варежки с пирогом пошли по рукам. Партия уже выходила за заставу, когда свёрток приняла красивая цыганка с весёлым и дерзким взглядом. Её красный платок съехал на затылок. В чёрной волне волос уже видны были серебряные нити — но цыганка была стройной и лёгкой, как девочка. На плечи её была наброшена пёстрая линиялая шаль. Из-под юбки торчали босые, сизые от холода ноги.

— Кому? Шадринной? От мужа? — Она живо обернулась вокруг. — Эй, королевیشны мои! Которая тут Устинья Шадрина?

Закованные по рукам и ногам «королевیشны» молчали — и цыганка, с недоумением оглядев всю партию, сердито повторила:

— Устинья Шадрина кто будет, спрашиваю? Нешто в пересыльном её позабыли?